IV Международный съезд славистов

Доклады

В. Я. ПРОПП

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва · 1958

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

СОВЕТСКИЙ КОМИТЕТ СЛАВИСТОВ

В. Я. ПРОПП

ОСНОВНЫЕ ЭТАПЫ РАЗВИТИЯ РУССКОГО ГЕРОИЧЕСКОГО ЭПОСА

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР

Москва 1958

I

Изучение явлений всех видов художественного творчества в их исторической обусловленности — одна из методологических основ современного литературоведения.

Применение этого метода к изучению фольклора, и в частности эпоса, встречает значительные трудности, и до настоящего времени по этому вопросу полной ясности нет. Чтобы добиться хотя бы некоторой ясности, надо не только хорошо изучить материал, но и дать себе отчет в том, что́ в этом направлении уже было сделано русской и зарубежной наукой.

Вопрос об отношении эпоса к истории, в том числе вопрос о периодах, ступенях или этапах его развития, решался многочисленными учеными с различных точек зрения.

Мы не будем стремиться к тому, чтобы дать полный перечень этих попыток, а остановимся только на наиболее показательных и интересных примерах, иллюстрирующих имевшиеся в истории нашей науки искания.

Первая попытка изучить русский эпос в его отношении к истории принадлежит издателю «Древних российских стихотворений, собранных Киршей Даниловым» (1818) — К. Калайдовичу. В предисловии к этому сборнику Калайдович делит эпические песни этого сборника на два периода. Первый относится к временам Владимира. Это доказывается сличением песен с показаниями летописей. «Большая часть песен и сказок Данилова посвящена славе сего князя и подвигам храбрых его витя-

зей»[1]. Герои «времен Владимировых» — это Добрыня Никитич, Александр Попович, Илья Муромец, Ставр Годинович, Василий Буслаевич[2].

Остальные герои относятся к «последующим временам». Калайдович называет их в такой последовательности: Садко, Щелкан, Ермак, Иван Грозный, Мастрюк, Гришка-расстрига, Михайло Скопин, царь Алексей Михайлович, Петр Великий[3].

Если всмотреться в это деление и приведенные имена, то видно, что Калайдович делит эпос, выражаясь современным языком, на былины киевского цикла и на исторические песни, причем считает, что исторические песни являются ступенью развития былинного эпоса.

С современной точки зрения, былины и исторические песни принадлежат к разным жанрам. Однако утверждение их принципиального единства долго держалось в науке, и посейчас еще это мнение разделяется отдельными учеными. Для своего времени оно имело большое научное значение, так как вносило в вопрос об эпосе некоторую первичную ясность. Впоследствии Калайдович как теоретик был основательно забыт, и в течение XIX в. некоторые исследователи высказывали аналогичные взгляды без ссылок на него.

Сборник Кирши Данилова долгие годы был единственным источником изучения эпоса. Материалом этого сборника обосновывал свои взгляды В. Г. Белинский.

В дореволюционной фольклористике имя Белинского замалчивалось. Его считали западником, презирающим русскую народную поэзию, эстетом, дилетантом, не понимающим сложности вопроса. На самом деле взгляды Белинского должны быть признаны глубокими и во многих отношениях верными. Изучение Белинского советскими фольклористами оказало значительное влияние на современную методологию в изучении эпоса.

Белинский рассматривает фольклор как начальную ступень развития литературного процесса. Этот процесс тесно связан с историей народа. «Поэзия всякого народа,— говорит Белинский,— находится в тесном соотно-

---

[1] «Сборник Кирши Данилова». Издание Публ. библ., под ред. П. Н. Шеффера. СПб., 1901, стр. 207.

[2] См. там же, стр. 209—210.

[3] См. там же, стр. 210.

шении с его историею: в поэзии и в истории равным образом заключается таинственная психея народа, а потому его история может объясняться поэзиею, а поэзия историею»[4]. То, что Белинский называет «психеей», мы сейчас назвали бы психическим складом и мировоззрением народа. Утверждение связи фольклора с историей народа и с его мировоззрением — одна из основ революционно-демократической фольклористики. В отличие от Калайдовича и позднейших представителей исторической школы, которые видели связь между историей и эпосом только в отдельных совпадениях исторических имен и героев с именами эпическими и в тождестве исторических событий с фабулой песен, Белинский идет значительно дальше, рассматривая все развитие эпоса в свете исторического развития и делая основной упор не на внешнюю, а на, так сказать, внутреннюю историю народа: «Мы разумеем здесь внутреннюю историю народа...»,— говорит Белинский[5]. Этот процесс подчинен закону диалектического развития, как его понимал Белинский: «Для каждого народа есть две великие эпохи жизни: эпоха естественной непосредственности, или младенчества, и эпоха сознательного существования». К первой относится фольклор, ко второй — литература. Они противоположны друг другу, но из их соединения возникает истинное искусство. Белинский мыслит себе этот процесс не как смену одного другим, а как длительно продолжающееся взаимопроникновение. Народ «всё тот же и в эпоху разумного сознания, как и в эпоху непосредственного чувства; но его непосредственное чувство было почвою, из которой возник и развился цвет и плод его разумного сознания»[6]. Более определенно эта мысль сформулирована так: «...художественная поэзия находится в тесном сродстве с естественною, ибо вырастает, так сказать, на ее почве»[7]. Так чисто умозрительным путем Белинский доходит до мысли, которая потом ляжет в основу всей русской прогрессивной эстетики: о народности как основе литературы.

Но Белинский высказывал и более конкретные мысли

---

[4] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. V. М., 1954, стр. 328.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 310.
[7] Там же, стр. 320.

о развитии эпоса. В основном он отличает три периода этого развития: период религиозный или мифический, период героический и период гражданской и семейной жизни. Он говорит: «Мировоззрение народа выказывается прежде всего в его религиозных мифах. На этой точке, обыкновенно, поэзия слита с религиею, и жрец есть или поэт, или истолкователь мифических поэм. Естественно, эти поэмы самые древнейшие. В век героизма поэзия начинает отделяться от религии и составляет особую, более независимую область народного сознания». Это развитие есть развитие прогрессивное. Белинский устанавливает, что в облике таких героев, как Илья, Добрыня, Алеша, уже нет ничего языческого. На третьей ступени своего развития эпос собственно прекращает свое существование. Здесь эпическая поэзия дает почву для развития литературных форм: «На этой точке поэзия делается вполне самостоятельною областию народного сознания, переходит в действительную жизнь, начинает совпадать с прозою жизни, из поэмы становится романом, из гимна песнию; тогда же возникает и драма, как трагедия и комедия» [8].

Мы не будем входить в обсуждение всех оттенков мыслей Белинского, в их критику. Нам важно установить, что Белинский рассматривает развитие эпоса как закономерный процесс, тесно связанный с историческим процессом. Впоследствии, вплоть до Веселовского, ни один из ученых не ставил вопроса так широко, как ставил его Белинский. На ряде примеров, в особенности на анализе новгородских былин, Белинский показал, как выражаются в эпосе народные стремления и идеалы, которые могут быть различными в зависимости от эпохи. Некоторая абстрактность исторической схемы все же давала возможность для чрезвычайно верных и конкретных наблюдений, рассмотрение которых вышло бы за рамки наших задач. Если Калайдович стоял на позиции формального историзма, то Белинский стоял на точке зрения историзма по существу.

Для изучения эпоса Белинский, как уже указывалось, располагал в основном только материалами сборника Кирши Данилова. Научную базу для более широкого изу-

[8] В. Г. Белинский. Полн. собр. соч., изд. АН СССР, т. V. стр. 328.

чения эпоса дало появление замечательного сборника П. Н. Рыбникова («Песни, собранные П. Н. Рыбниковым», т. I—IV, М., 1861—1867).

Этот сборник важен не только тем, что он представляет богатейшее собрание прекрасно записанных материалов, но и тем, что он содержит первую попытку полной систематизации материала, притом систематизации с исторической точки зрения. Обычно это расположение материала приписывают Бессонову, редактору этого собрания, так как Рыбников, находившийся в качестве политического ссыльного в Петрозаводске, не мог сам наблюдать за этим изданием. Однако одновременно с выходом песен Рыбникова Бессонов издавал песни, собранные Киреевским (1860—1874), где принята иная система расположения. Изучение переписки Рыбникова с К. С. Аксаковым, Д. А. Хомяковым, П. А. Бессоновым и О. Ф. Миллером не оставляет никаких сомнений в том, что между Рыбниковым и Бессоновым не было никаких разногласий по вопросу о расположении песен. Для нас это расположение интересно тем, что оно отражает взгляды Рыбникова на этапы развития русского эпоса. Схематически расположение материала у Рыбникова имеет следующий вид:

I. Время до Владимира:

Богатыри «старшие»: Олег, Сухан, Самсон, Святогор, Микула.

II. Времена Владимировы: богатыри киевские («младшие»).

III. Удальцы новгородские.

IV. Татарское время.

V. Москва: Грозный, Гришка Отрепьев, Кострюк, Скопин, Ванька Ключник, Песня о Земском соборе, Петр, Разин, Пугачев и другие.

VI. Песни былевые, княжеские, молодежные, безымянные.

По существу это деление лежало в основе представлений фольклористов почти всего XIX в., хотя в него и вносились поправки и изменения. В западноевропейской науке оно принято по сегодняшний день. Оно отличается несомненной стройностью и продуманностью. Эпос делится на периоды докиевский и киевский с выделением песен времен татарщины (это выделение сделано в III томе). Выделены былины новгородские. Исторические песни

составляют (как и у Калайдовича) позднейшую ступень развития эпоса. Песни, вошедшие в последний раздел, по существу составляют то, что мы бы сейчас назвали балладами, т. е. песни позднейшие.

Как мы увидим, многое из того, что сделано Рыбниковым, остается верным и по сегодняшний день.

Один из первых, кто откликнулся на огромные собрания Киреевского и Рыбникова и оценил систему Рыбникова, был Ф. И. Буслаев [9].

Вопросы развития эпоса для Буслаева принадлежали к основным и важнейшим. Наибольший интерес для него представлял вопрос о ранних ступенях развития эпоса.

Взгляды Буслаева сложились еще до появления этих сборников [10], но на изучении новых материалов получили подкрепление и развитие. В развитии эпоса Буслаев, так же как и Белинский, усматривает в основном два периода: ранний — религиозно-мифологический и позднейший — богатырский. Но если для Белинского отход от мифологической основы есть явление прогрессивного порядка, то для Буслаева преимущественным интересом обладает именно мифическая старина, которую путем ретроспективных умозрений он восстанавливает из дошедших до нас форм эпоса.

Ссылаясь на Константина Аксакова, Буслаев развивает Рыбниковское деление богатырей на старших и младших [11]. Старшие — это те, которые представляют какую-либо стихию; так, Садко, Дунай, Волх, Сухман и другие связаны с водяной стихией, Святогор — с горами, Тугарин, Змей, Идолище, Соловей-разбойник — мифические чудовища и т. д. Напротив, младшие богатыри — это обыкновенные смертные. Они состоят на службе у Владимира и совершают богатырские подвиги. Это — Илья, Добрыня, Алеша и другие. При ближайшем изучении, полагает Буслаев, в их облике также можно найти некоторые чер-

---

[9] См. Ф. И. Буслаев. Русский богатырский эпос.— «Русский вестник», 1862 (перепечатано в книге: Ф. И. Буслаев. Народная поэзия. СПб., 1887, стр. 1—216).

[10] См. Ф. И. Буслаев. Эпическая поэзия.— «Исторические очерки русской народной словесности и искусства», т. I, СПб., 1861, стр. 1—78; его же. Русский народный эпос.— Там же, стр. 401—455.

[11] Заметка К. Аксакова в первом выпуске песен Киреевского, стр. XXXI.— Ф. И. Буслаев. Народная поэзия, стр. 18.

ты, относящиеся к доисторической эпохе, но эти отдельные черты не определяют их облика в целом. Таким образом из богатой исторической схемы Рыбникова Буслаев развил только ту часть ее, которая предусматривает деление богатырей на старших и младших.

По существу, деление героев Буслаевым сводится к отнесению их к доисторической и исторической эпохе, понимая под доисторической, или «эпической», эпоху индоевропейского и в частности праславянского единства. Поэтому для изучения этой эпохи Буслаев считает особенно плодотворным сравнительный метод. «Чем древнее мифические предания русского народа, тем необходимее объяснить их в связи с преданиями прочих славянских наречий, как общее достояние всего славянского мира, предшествующее размещению племен по разным местностям» [12].

Деление богатырей на старших и младших чрезвычайно долго держалось в науке, особенно в западноевропейской, и частично держится в ней и посейчас. Русский эпос скоро обратил на себя внимание ученых всего мира, причем большинство из них отдавало дань восхищения художественным красотам эпоса. Научной же основой рассмотрения служит деление богатырей на старших и младших, с различными оговорками, поправками, видоизменениями.

Немецкий ученый Вильгельм Вольнер в своих исследованиях по народной эпике великоруссов следует делению Рыбникова — Буслаева [13]. К старшим героям он причисляет Вольгу, Микулу, Святогора, Сухмана, к младшим — киевских героев: Илью, Добрыню, Алешу и других.

Такому же делению с некоторыми изменениями следует Л. А. Магнус в своей монографии (посвященной русским героическим песням, которые он называет «балладами»), вышедшей в Лондоне в 1921 г.[14]

Н. К. Чэдвик в своем вступлении к антологии «Русская героическая поэзия» [15] (под этим понимаются былины и исторические песни) точно так же делит богатырей на старших, обладающих сверхчеловеческими качествами

---

[12] Ф. И. Буслаев. Народная поэзия, стр. 19.

[13] W. Wollner. Untersuchungen über die Volksepik der Großrussen. Leipzig, 1879.

[14] L. A. Magnus. The Heroic Ballads of Russia. London, 1921.

[15] N. K. Chadwick. Russian Heroic Poetry. Cambridge, 1932.

(Вольга, Микула, Святогор, Самсон, Шарк Великан, Сухман и др.), и героев киевского цикла. В особый цикл выделены былины новгородские. Далее следует рассмотрение полубалладных и исторических песен, вплоть до песен времен царствования Николая I, которые, в свою очередь, расположены по хронологическим циклам. То же распределение по существу повторено в труде Г. М. Чэдвика и Н. К. Чэдвик «Становление литературы» [16], где во втором томе большой раздел посвящен русской устной литературе. Как это еще представлял себе Калайдович, исторические песни рассматриваются как этап развития былин. Принципиального отличия между ними не делается. Деление героев на старших и младших потому могло держаться так долго (а частично держится и сейчас), что оно до некоторой степени отвечало стремлению к пониманию эволюции эпоса. В каком-то смысле при любом историческом изучении некоторые герои окажутся более древними по своему происхождению, другие — более новыми, третьи — позднейшими. Тем не менее рассмотренное нами деление героев на старших и младших в настоящее время научного значения не имеет, так как оно сделано на основании внешней характеристики облика героев, а не их действий. Сюжеты здесь не учитываются, равно как не учитывается связь с реальной историей.

На наш взгляд основой деления должны служить не внешние атрибуты героя, а его действия. Различные сюжеты, приуроченные к одному герою, могут иметь совершенно различное происхождение и относиться к разным эпохам.

Особенно ясно это видно на Святогоре; часть песен о нем несомненно весьма древняя, часть же была приурочена к нему в сравнительно недавние времена.

Орест Миллер в своем огромном труде «Илья Муромец и богатырство киевское» (СПб., 1869), уточняя и развивая положения, высказанные Буслаевым, в развитии эпоса различает три периода: период общеарийского единства (соответствует индоевропейскому периоду у Буслаева), период славянского единства и период русский (см. стр. X—XI).

---

[16] H. M. Chadwick and N. K. Chadwick. The Growth of Literature, vol. II. Cambridge, 1936, p. 3—292.

Орест Миллер может быть назван одним из главных у нас представителей сравнительного метода в изучении эпоса. Впервые широко сравнивая былины между собой, он сопоставлял полученную картину с эпосом других народов. Наличие славянских параллелей позволяло заключить к периоду общеславянского единства (такие заключения делались сравнительно реже), наличие же параллелей в индийской, античной, византийской и романо-германской культуре позволяло заключать к периоду арийского единства. Цель всего труда — возведение русского эпоса к индоевропейской («общеарийской») древности. Период собственно русский интересовал Ореста Миллера менее всех других периодов. Он говорит: «От относительно позднейшего осадка (т. е. слоя.— *В. П.*) общеславянского должен бы быть со всею ясностью отделен с другой стороны и собственно русский былевой слой, а равным образом прослежены в этом последнем все, обозначившиеся в нем слои частные, осадившиеся от различных периодов русской истории» (стр. X). Орест Миллер не делал в этом отношении никаких самостоятельных попыток, всецело полагаясь на периодизацию Майкова (см. ниже).

Основной недостаток труда Ор. Миллера состоит в том, что возведение эпоса к эпохе индоевропейского единства сопровождается мифическими толкованиями, которые не обладают никакой научной значимостью. Таково, например, утверждение, что Владимир «красное солнышко» есть олицетворение солнца, причем двойственность в его изображении соответствует двоякому характеру солнца. Гневный Владимир — это солнце палящее, разящее, Владимир «ласковое красно солнышко» — солнце греющее, дающее жизнь. В этом отношении Орест Миллер был последователем так называемой «мифологической школы», идущей в Германии от эпигонов Якова Гримма: Куна, Шварца, Макса Мюллера и других.

Произвольные реконструкции доисторической индоевропейской древности, производившиеся адептами мифологической школы, дискредитировали изучение древности вообще. Представители так называемой исторической школы полностью отказались от изучения этого периода и ограничили себя изучением собственно исторического периода. Начало эпоса стали вести уже от исторических времен. Л. Н. Майков в своей замечательной

магистерской диссертации «О былинах Владимирова цикла» (СПб., 1863) полностью отказывается от каких бы то ни было априорных абстрактных схем и обращается к изучению прежде всего исторических реалий. Он выделяет для изучения былины киевского цикла и приходит к выводу, что «содержание былин Владимирова цикла вырабатывалось в продолжение X, XI и XII веков, т. е. в первой половине удельно-вечевого периода, а установилось не позже времени татарского владычества, и даже именно той его эпохи, когда Москва еще не сосредоточивала в себе всю государственную силу Руси, и в народе свежа была память о первенствующем значении Киева. Такой эпохой можно считать вторую половину удельно-вечевого периода, века XIII и XIV» (стр. 24—27).

Небольшая книга Майкова оказала значительное влияние на дальнейшее развитие науки. Установление «исторического слоя», в эпосе было большим шагом вперед, и многочисленные ученые посвятили себя разработке вопросов об отношении эпоса к историческим событиям и историческим лицам.

Здесь не место входить в оценку и критику трудов исторической школы. Эта критика в советской науке дана А. П. Скафтымовым в книге «Поэтика и генезис былин» (Саратов, 1924). После книги Майкова стали появляться многочисленные труды, посвященные отдельным былинам; в этих трудах связь песен с историей мыслилась чисто формально как внешнее соответствие фабулы песен с фактами истории, а действующих лиц песен — с историческими деятелями.

Вопрос о периодах развития не считался главным и не полагался в основу изучения, хотя отдельные попытки в этом направлении имелись и заслуживают внимания.

Такая попытка была сделана М. Халанским. Халанский понимал былины киевского цикла не как общерусское явление, а как создание киевской области. Он выдвигал мысль, что в удельный период не было общерусского эпоса, а имелся ряд областных эпосов: не только киевская, но и другие области создавали свои былины.

Выступая против Майкова, Халанский в своем труде «Великорусские былины киевского цикла» (Варшава, 1885) писал: «Нужно развенчать здание киевского эпоса, лишить его внешнего единства, рассматривать были-

ны независимо от города Киева и князя Владимира»[17]. Былины следует изучать разрозненно, с тем, что такое разрозненное изучение впоследствии приведет к решению вопроса об историческом развитии русского эпоса.

Сам Халанский пришел к заключению, что решающим историческим событием, которое может быть положено в основу изучения развития эпоса, было татарское нашествие. Халанский располагает героев эпоса по трем периодам: дотатарский, татарский и московский. Такое деление несомненно плодотворно и представляет собой новое завоевание науки. Оно не утеряло своего значения и по сегодняшний день. Однако конкретная разработка, данная Халанским, нас удовлетворить уже не может, Халанский полностью пренебрегает художественной спецификой эпоса; единственным критерием для отнесения к тому или иному периоду служит соответствие песни (часто мнимое) внешней истории. Здесь одна из коренных ошибок дореволюционной методологии. Былина основана не на передаче в стихах исторического факта, а на художественном вымысле, который даже как в ы м ы с е л определяется историей. Непонимание этого приводит к тому, что былинных героев ищут в летописях и в повествовательной литературе и полагают, что находят их, так как отличие художественных форм и жанровой принадлежности эпоса и летописи полностью игнорируется. Соответственно к дотатарскому периоду отнесены Добрыня Никитич, Иван Данилович, Демьян Куденевич и Алеша Попович. Мы видим, что здесь объединены герои эпоса, летописи и древнерусской повести. Эпос рассматривается как искажение литературного памятника. Добрыня попадает в герои дотатарского периода потому, что в летописи имя Добрыни упоминается как имя дяди Владимира. Летописный Добрыня отождествляется с эпическим. То же происходит с Иваном Даниловичем. Герой с таким именем был убит в борьбе с половцами в 1136 г. Этот летописный герой отождествляется с былинным Михаилом Даниловичем, одним из героев борьбы с татарами. Что летописный Иван Данилович пал в борьбе с п о л о в ц а м и, а былинный Михаил Данилович борется

---

[17] М. Х а л а н с к и й. Великорусские былины киевского цикла. Варшава, 1885, стр. 11.

с татарами, Халанского не останавливает, так как эпос «искажает» историю; на этом основании Михаил Данилович, один из главнейших героев эпоса о борьбе с татарами, отнесен к дотатарскому периоду. На сходном основании отнесен к этому периоду Демьян Куденевич. Летописный Демьян Куденевич, находясь на службе Переяславского князя Мстислава Изяславича, одержал победу над князем Глебом Юрьевичем, хотевшим отнять у него власть и сесть на его место. К этому событию Халанский относит былину об Илье и Калине и о Сухмане. Натяжка совершенно очевидна. Героическая борьба русских с татарами, воспетая в эпосе, сводится к феодальным войнам домонгольского периода.

На основании шатких соответствий между летописным «храбром» Александром Поповичем и эпическим Алешей Поповичем к дотатарскому периоду отнесен Алеша Попович.

Мы не будем входить в детали концепции Халанского; упомянем только, что к героям татарского периода отнесены Рязанский князь Федор Юрьевич, Евпатий Коловрат, Идолище поганое, Илья Муромец, Василий Игнатьевич; к былинам этого времени отнесены повесть об убиении Батыя и повесть о том, с каких пор перевелись витязи. К московскому периоду отнесены Соловей Будимирович, Тугарин Змеевич, Жидовин, Святогор, Дюк Степанович.

Несмотря на то, что деление эпоса на три периода может считаться в основном правильным, почти ни одно из конкретных утверждений Халанского не уцелело; основные методологические ошибки Халанского и представленного им направления состоят в том, что допускается подмена эпоса другими видами литературного творчества (летописи, повести); историчность определяется по таким внешним признакам, как имена героев; отсутствует изучение сюжетов и героев, что могло бы дать (и дало в советское время) совершенно иные критерии для периодизации.

Многочисленные труды Всеволода Миллера, объединенные им в три тома «Очерков русской народной словесности» [18], представляют собой разновременные и разроз-

---

[18] Академик Вс. Ф. Миллер. Очерки русской народной словесности. Т. I — М., 1897; т. II — М., 1910; т. III — М.—Л., 1924.

ненные этюды, в которых для каждой былины в отдельности решается, к какому веку она относится и где она могла возникнуть. Дать картину развития эпоса, определить этапы этого развития — такой задачи Миллер первоначально себе не ставил. Для него былина — испорченное повествование о действительном событии. Вначале это были песни, создававшиеся в господствующей среде и близкие к действительности. Они собственно представляли собой исторические песни. Былины же рассматривались как запутанные, забытые и испорченные в крестьянской среде исторические песни.

Уже к концу своей жизни Вс. Миллер сделал попытку суммировать свои собственные разыскания и разыскания других ученых по датировке отдельных былин. Он начал большой труд, озаглавленный «Очерк истории русского былинного эпоса». Этот труд остался незаконченным. Две главы его были опубликованы уже после смерти автора[19]. Былины располагаются в исторический ряд соответственно с теми историческими событиями, которые, по мнению Вс. Миллера, былины отражают. Так, былина о походе Вольги отражает взятие Олегом Царьграда, былина о Добрыне-Змееборце — крещение Новгорода, былина о бое Алеши с Тугариным — схватку с половцами в 1096 г. и т. д. Такой прием мог бы оказаться плодотворным, если бы былины действительно создавались как отклики на те или иные исторические события. По существу это не доказано. Школа Миллера была бессильна в объяснении таких былин, в которых явно никаких откликов на исторические события не было.

В этой же работе Вс. Миллер выдвинул теорию аристократического происхождения эпоса. Эпос будто бы возник из славословий князьям его дружиной и дружинными певцами.

В советской науке взгляды Вс. Миллера некоторое время имели хождение. Они, например, легли в основу большой сводной статьи Б. Соколова «Былины» в «Литературной энциклопедии» (1930). Впоследствии Б. Соколов от своих взглядов отказался.

В настоящее время наша наука ищет иных путей изучения историчности эпоса.

---

[19] См. там же, т. III, стр. 3—91.

Целостную концепцию развития фольклора дал академик А. Н. Веселовский в своем незаконченном труде «Три главы из исторической поэтики».

Самая постановка проблемы исторической поэтики — крупная заслуга Веселовского. Литературный процесс совершается закономерно и «историческая поэтика» представляет собой первую в мировой науке попытку определения данной закономерности развития от ее возникновения до современности, отличаясь этим от многочисленных описательных поэтик и всеобщих историй литератур.

Однако конкретное решение этого вопроса вызывает большие сомнения. В 1884 г. и в последующие годы Веселовский прочел в Петербургском университете курс лекций по истории эпоса. Здесь уже были высказаны те положения, которые впоследствии вошли в три главы исторической поэтики. Собственно вопрос истории эпоса в этом курсе лекций не решается. Основная идея или цель курса — установить «историческую последовательность литературных родов»: «Цель моего курса — уследить эту смену, указать хронологический порядок, в котором появились эпос, лирика, драма и роман» [20]. Такая постановка проблемы вскрывает как сильные, так и слабые стороны методологии Веселовского. Что некоторые жанры появились раньше, а другие позже — совершенно несомненно. Но, увлеченный этой идеей, Веселовский не ставит вопроса о *сосуществовании* жанров. Веселовский создал концепцию, по которой одни жанры развиваются из других, и этой концепции пытался подчинить весь ход развития литературы.

В наиболее кратком и упрощенном изложении мысль Веселовского сводится к тому, что древнейшее состояние народной поэзии — это «синкретизм поэтических родов» [21]. Здесь обряд соединен с элементами мимики, эпики, лирики, слово соединено с музыкой и пляской. Из этого синкретического состояния путем дифференциации отложились комедия и трагедия, с одной стороны, и лири-

---

[20] А. Н. *Веселовский*. Историческая поэтика. Редакция, вступительная статья и примечания В. М. Жирмунского. Л., 1940, стр. 448.

[21] Там же, стр. 459.

ка, с другой. В лирику вносятся эпические элементы, частично шедшие из истории. Так создается образование переходного или промежуточного характера между эпосом и лирикой, названное Веселовским «лиро-эпической кантиленой». Веселовский признается, что конкретных примеров таких кантилен можно найти лишь очень немного. Эта кантилена дает начало эпосу. «Такая лирико-эпическая песня является ячейкой, из которой возникает песня эпическая, являющаяся материалом для эпоса и эпопеи» [22].

Работа Веселовского важна как попытка широко охватить закономерность становления и развития жанров. В этом отношении она может служить образцом того, к чему должна стремиться наша наука. В остальном же мы не можем пойти за Веселовским. Правда, нельзя отрицать, что обрядовая поэзия носила и до сих пор носит синкретический характер. Нельзя отрицать также правомерности гипотезы, что обрядовая поэзия, основанная на стремлении усилить продуктивность труда, есть древнейший вид народной поэзии. На почве античности совершенно ясна связь древнейшего обрядового действия с зарождением древнегреческой трагедии и комедии. Но когда Веселовский возводит сюда же лирику и эпос, мы не можем за ним последовать. На русской почве между обрядовой поэзией (колядки, масленичные песни, семицкая, троичная и купальская обрядность и поэзия) с одной стороны, и эпосом, с другой, нет ничего общего ни генетически, ни формально, хотя определенные точки соприкосновения и имеются. По нашему мнению, это разные ряды.

Эпос не возникает ни из обрядовой, ни из внеобрядовой лирики и не возводится к ней, а имеет самостоятельное, независимое от лирики развитие.

Подробная полемика с Веселовским не входит в данном случае в нашу задачу. Мы увидим ниже, как вопрос о происхождении и развитии эпоса решается в советской науке.

Более ценными, чем большие абстрактные обобщения, представляются нам некоторые конкретные наблюдения и установления Веселовского, выраженные им в серии

---

[22] Там же, стр. 464.

статей под названием «Южнорусские былины». Веселовский исходит из мысли, что правильные обобщения по истории эпоса возможны только на основе конкретных исследований отдельных сюжетов. Русский эпос возник на юге, сохранился же на севере. Веселовский полагает, что эпос должен был оставить на юге следы, и эти следы Веселовский разыскивает с целью установить древнейшую форму и древнейшее содержание былин. Для этого с русским эпосом широко сравнивается украинская и белорусская народная литература. Так, былина о Михаиле Даниловиче сравнивается с украинским сказанием о «Златых вратах» и герое Михайлике, былина об Илье Муромце и Соловье Будимировиче сопоставляется с письмом Кмиты Чернобыльского (1574) и свидетельствами Эриха Лассоты (1594) о гробнице Ильи Муромца в Софийском соборе. Былины сопоставляются также с материалами византийскими («Былина о Сауле Леванидовиче и греческая песня об Армури»). В основе этих работ лежит мысль о некоторой эволюции сюжета. Однако этот принцип не выдержан до конца, и в ряде случаев изложение сводится к установлению иноземных источников («Былина об Иване Гостином сыне и старофранцузский роман об Ираклии» и ряд других работ).

Хотя отнюдь нельзя отрицать, что ряд сюжетов русского эпоса — иноземного происхождения и что русский эпос подвергся влиянию эпоса других народов, отдельные положения Веселовского в большинстве случаев весьма спорны, так как сходство не таково, чтобы давать право на утверждение прямой зависимости. В наиболее затруднительных случаях Веселовский искусственно конструирует не дошедший до нас прототип, к которому будто бы восходят и русская и зарубежная форма сюжета.

Однако самое понятие «южнорусских былин», сводящееся к понятию «южного периода» в развитии былины, несомненно плодотворно и правильно, как правилен и прием сопоставления северной былины с украинской и белорусской народной литературой. Деление на «южный» и «северный» периоды можно усмотреть в работе советской исследовательницы А. М. Астаховой в ее книге «Русский былинный эпос на Севере» (Петрозаводск, 1948), где по существу речь идет о процессах, совершающихся в северный период развития русского эпоса.

II

По-новому вопрос о ступенях развития эпоса был поставлен советской наукой.

В настоящее время мысль, что народная поэзия должна изучаться исторически, представляет собой одну из аксиом нашей фольклористики.

К этой мысли, с одной стороны, приводят труды дореволюционной науки о народной поэзии и изучение ее достижений и ошибок, главное же — к этому приводит вся совокупность современной философии истории, как она выражена в трудах классиков марксистско-ленинской науки.

Мысль, что изучение истории народной поэзии должно вестись на базе изучения истории русского народа как целостного исторического процесса пробивала себе путь очень медленно.

Первая серьезная попытка в этом направлении была сделана профессором Н. П. Андреевым в введении к его хрестоматии «Русский фольклор» (М.—Л., 1936). Введение это носит заглавие «Фольклор и его история».

Здесь впервые в фольклористике сделана попытка положить в основу периодизации учение о социально-экономических формациях.

Развитие фольклора прослеживается в доклассовом обществе, в эпоху феодализма (которая делится на период XI—XVI вв. и период от XVII до первой половины XIX в., который назван крепостническим), в период капиталистический (вторая половина XIX в. и начало XX в.) и в период пролетарской революции и социалистического строительства.

Изложение Н. П. Андреева коротко и схематично. Статья носит декларативный характер, сам Н. П. Андреев не распределил фольклорный материал хрестоматии по выделенным им периодам. Может быть, этим объясняется, что данная попытка Н. П. Андреева не нашла никаких откликов, и позднейшие исследователи начинают работу заново, не ссылаясь на то, что уже было намечено Н. П. Андреевым. Вопрос об эпосе в работе Н. П. Андреева не выделен, но он входит в общую концепцию ее.

Насколько мало ясен вопрос о развитии эпоса был еще в сороковые годы, показывает статья В. И. Чичерова «Об этапах развития русского исторического эпоса»

(«Историко-литературный сборник», М., 1947, стр. 3—60). В понятие исторического эпоса объединены былина и историческая песня. Впоследствии В. И. Чичеров высказывал другие взгляды на происхождение исторической песни [23].

Вопрос о периодизации народной поэзии становился все более острым по мере общего развития гуманитарных наук в Советском Союзе. Расширение сети вузов также требовало непременного скорейшего решения этого вопроса; ведение преподавания в рамках описания жанров безотносительно к русской истории становилось невозможным. Не обошлось и без вульгаризаторских и упрощенческих начинаний. Лозунг «не по жанрам, а исторически» нашел себе некоторое число сторонников, несмотря на свою явную несостоятельность, так как проблема заключалась как раз в том, чтобы показать историческое развитие жанров, составляющих народную поэзию, и эпоса как одного из этих жанров. Игнорирование художественной специфики, смешение жанров, насильственное и искусственное втискивание отдельных произведений в заранее выделенные хронологические рамки имели место как в педагогической вузовской работе, так и при изданиях этих произведений.

В основе этих попыток лежало здоровое стремление к собственно историческому изучению фольклора, но разрешение давалось упрощенно и было ошибочным [24].

Над разрешением вопроса об историческом развитии фольклора работали не только отдельные ученые, но и научные учреждения. Главными центрами такого изучения стали Институт мировой литературы им. А. М. Горького в Москве и Институт русской литературы (Пушкинский дом) в Ленинграде, которые объединили усилия многочисленных ученых, работающих на местах.

---

[23] «Исторические песни». Вступительная статья, подготовка текстов и примечания В. И. Чичерова «Библиотека поэта», малая серия, Л., 1956.

[24] См., например, хрестоматию «Устное поэтическое творчество русского народа» (составили С. И. Василенок и В. М. Сидельников. М., 1954) и рецензию на нее Б. Н. Путилова «Против упрощений» («Звезда», 1955, № 3, стр. 178—180).

Изучение эпоса народов СССР стало одной из наиболее актуальных задач советской фольклористики, так как национальный эпос — один из важнейших факторов подлинно народной культуры. Проблема «Эпос народов СССР» была утверждена Президиумом Академии наук СССР как координационная.

На Институт мировой литературы было возложено руководство этой работой.

Трудно переоценить значение этого мероприятия для развития советской и мировой науки [25]. В июле 1954 г. совместно с Институтом востоковедения было проведено всесоюзное совещание по вопросам изучения эпоса народов СССР [26]. В июне 1955 г. Институтом мировой литературы совместно с Институтом искусствоведения, фольклора и этнографии Академии наук УССР в Киеве было организовано совещание по изучению эпоса восточнославянских народов [27]. Вопрос о необходимости исторического изучения эпоса затрагивался в докладе В. И. Чичерова и в ряде выступлений (В. Г. Базанова, Н. И. Велецкой, Л. Н. Пушкарева, Э. В. Померанцевой и других); указывалось на историческую обусловленность былин и необходимость исторического изучения их. Эта же мысль отражена и в резолюциях совещания.

В мае 1956 г. происходило совещание Международного комитета славистов в Москве. Комитет выдвинул проблему основных этапов развития героического и исторического эпоса славянских народов для обсуждения на Международном съезде славистов в Москве в 1958 г. [28].

Решение вопроса об этапах развития фольклора, и в том числе эпоса, сильно продвинулось вперед благодаря капитальному трехтомному труду, выпущенному Инсти-

---

[25] См. В. И. Чичеров. Вопросы изучения эпоса народов СССР.— «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XIV, вып. 1, 1955, стр. 35—51.

[26] См. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XIII, вып. 5, 1954, стр. 483—488.

[27] См. И. М. Шотт. Совещание, посвященное эпосу восточнославянских народов.— «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XV, вып. 1, 1956, стр. 89—94; В. Соколова. Совещание по вопросам изучения исторического эпоса восточнославянских народов.— «Советская этнография», 1955, № 4, стр. 125—131.

[28] См. «Известия АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XV, вып. 4, 1956, стр. 388—392.

тутом русской литературы (Пушкинский дом) в 1952—1956 гг.[29]. Этот труд создан широким коллективом фольклористов и историков древнерусской литературы. Отдельные разделы написаны различными специалистами, но весь труд в целом подчинен единому плану, который был выработан после ряда узких и широких совещаний и обсуждений.

В результате длительных поисков и многих споров были определены следующие этапы развития русского фольклора:

1) X—XI вв. (расцвет древнерусского раннефеодального государства);

2) XII — начало XIII в. (годы феодальной раздробленности Руси до монгольского нашествия);

3) XIII—XV вв. (период феодальной раздробленности и создание централизованного Русского государства);

4) XV—XVI вв. (период укрепления централизованного Русского государства);

5) XVII век (время крестьянских и городских восстаний);

6) начало XVIII в.

Так распределен материал в первом томе. Во втором и третьем томах материал расположен хронологически следующим образом: середина XVIII — первая половина XIX вв.; вторая половина XIX— начало XX вв.; советская эпоха по периодам — 1917—1920 гг., 1921—1934 гг., 1935—1941 гг., 1941—1945 гг., 1945—1950 гг.

Принципы, которые легли в основу этой периодизации, были изложены на совещании, созванном Институтом русской литературы АН СССР 17—23 ноября 1953 г. Вопросам периодизации было посвящено три больших доклада: М. О. Скрипиля (X—XVII вв.), А. Н. Лозановой (от XVIII в. до кануна Великого Октября) и А. Д. Соймонова (советская эпоха).

В совещании участвовало 250 человек. Оно проходило весьма активно, выдвинутые в докладах положения подвергались всестороннему обсуждению[30]. Вопрос из узко

---

[29] См. «Русское народно-поэтическое творчество», т. I. М., 1953; т. II, кн. 1 — М., 1955; кн. 2 — М., 1956; «Очерки русского народно-поэтического творчества советской эпохи». М.—Л., 1952.

[30] См. «Русский фольклор. Материалы и исследования», I. М.— Л., 1956, стр. 22—63, 239—281.

академического превращался в вопрос широкого общественного значения.

Установление принципов периодизации было большим шагом вперед, но тем не менее вопрос еще не может считаться решенным окончательно и требует дальнейшего рассмотрения.

Для русского эпоса особое значение имеет периодизация от его начала до XVII в., так как на эти века падает наиболее богатое и плодотворное развитие его. Мы не будем говорить об отдельных недостатках этой периодизации, частично отмеченных в рецензиях и на различных совещаниях[31], а коснемся лишь основного вопроса, имеющего прямое отношение к эпосу. Если всмотреться в периодизацию, предложенную Сектором народного творчества ИРЛИ, то можно заметить, что она перенесена с изучения древнерусской литературы на изучение фольклора. Указанные здесь периоды соответствуют периодам развития русской истории; древнерусская литература в эти периоды укладывается вполне хорошо. Авторы большинства разделов этой книги — М. О. Скрипиль, Д. С. Лихачев, В. П. Адрианова-Перетц — крупнейшие специалисты по древнерусской литературе; они оказали фольклористам ту помощь, какую могли оказать в свете изучения литературного процесса древней Руси.

Между тем процесс литературного развития и развития фольклорного протекает неодинаково и переносить принципы изучения литературы на принципы изучения фольклора не всегда можно.

В предложенной периодизации не учитываются основные специфические признаки фольклора, отличающие его от письменной литературы. Основной из них, определяющий иную методологию изучения, состоит в том, что развитие литературы совершается путем создания в каждую эпоху или в каждый период все новых и новых памятников, возникновение которых может быть более или менее точно определено в пространственно-хронологическом отношении. О преобладающем большинстве памятников древнерусской литературы можно точно сказать, в каком году (или десятилетии или хотя бы столетии) они были созданы.

[31] См. рецензию В. И. Чичерова в «Известиях АН СССР. Отделение литературы и языка», т. XIII, вып. 3, 1954, стр. 293—297.

Памятник, раз возникнув, уже не меняется. Правда, при переписке могут появиться изменения, новые редакции, но продуктивное развитие литературы идет не по линии создания новых редакций, а по линии создания новых памятников.

До некоторой степени развитие фольклора также идет путем создания новых произведений. В особенности это относится к историческим песням, которые появляются непосредственно после тех событий, о которых в них говорится. Ясно, что песни о взятии Казани возникли около 1552 г. Но сказать, в каком году (или десятилетии или столетии) создалась песня о Добрыне-змееборце, мы не можем, и не потому, что фольклористика еще недостаточно совершенна, как иногда утверждают, и не потому, что мы не имеем записей ранее конца XVIII в., а потому, что процесс образования эпических героических песен совершается иначе, чем процесс создания литературных произведений или исторических песен. Вопрос о том, в каком году или веке или в каком месте создалась былина, может оказаться неправильно поставленным, так как процесс образования и развития былины может длиться столетиями; поэтому вопрос о времени ее возникновения требует особого фольклористического рассмотрения.

III

Утверждение, что отнесение былины к определенному году или десятилетию не всегда возможно, не исключает вопроса о хронологической определимости былин, а ставит его в иную плоскость.

Для ясности необходимо оговорить, что под героическим эпосом здесь будут пониматься эпические (т. е. повествовательные) песни героического содержания, которые исполняются музыкально, т. е. поются. Начиная с какой эпохи можно установить наличие таких песен?

Начало русского эпоса обычно определяется X веком, т. е. началом русского государства. Это верно в том смысле, что с этого времени можно говорить о русской народности, тогда как для предшествующего периода пришлось бы говорить не о народе, а о совокупности восточнославянских племен, живущих родовым строем.

К X—XI вв. с уверенностью можно относить начало

письменности, так как до этого не было и не могло быть никакой письменной литературы. Но заключать (по аналогии с литературой) к эпосу нельзя, так как все данные говорят о том, что эпос имелся задолго до этого.

Чтобы решить вопрос о начале эпоса, необходимо обратиться к народам, эпос которых засвидетельствован на ступени первобытно-общинного строя.

В этом отношении изучение эпоса народов СССР, до Октябрьской революции сохранявших в быту и культуре явные пережитки родового строя, имеет первостепенное научное значение. Работа, которую ведет Институт мировой литературы по изучению эпоса народов СССР, имеет огромное значение и для русского эпоса. И хотя работа эта по существу только начинается, уже сейчас можно сказать, что героический эпос как исторически закономерное и необходимое явление создается не в эпоху становления государства, а в эпоху первобытно-общинного строя. Эпоха первобытно-общинного строя хронологически наиболее длительная в развитии человечества и, в свою очередь, делится на ряд этапов и периодов. Мои очень предварительные наблюдения привели меня к выводу, что эпос как закономерное явление создается на сравнительно поздних ступенях развития первобытно-общинного строя[32]. Для решения этого вопроса необходимо широкое историко-сравнительное изучение эпоса народов на ступени первобытно-общинного строя. Здесь должен быть изучен фольклор как наиболее примитивных народов, не имеющих еще эпоса, так и фольклор народов на более поздних ступенях развития первобытно-общинного строя. Такой способ изучения покажет, в каких исторических условиях эпос зарождается, каков характер его связи с мифологией и религией народа, каково его соотношение с другими жанрами фольклора, каковы сюжеты, идейное содержание, художественная форма.

Такое исследование имеет двоякое значение: оно важно, во-первых, для изучения культуры каждого народа в отдельности. Так, изучение чукотского, ненецкого, нивхского, нанайского, якутского, шорского и других эпосов важно для выяснения национальной культуры каждого из этих народов. Сравнительное же изучение этих эпосов покажет,

---

[32] В. Пропп. Русский героический эпос. Л., 1955, стр. 30—56.

что̀ в каждом из них национально и что̀ общеисторично. Даже предварительное ознакомление уже показывает, что повторяемость, а следовательно и закономерность образования и развития эпосов, вырисовываются достаточно четко. Так могут быть установлены наиболее древние сюжеты, известные всем народам. С достаточной степенью достоверности эти сюжеты могут быть применены и к тем народам, для которых прямых материалов по первобытно-общинному строю нет. Это дает нам право отклонить утверждение, полагающее начало русского эпоса десятым веком. Он создавался раньше; его начало определяется не хронологическим установлением веков, а установлением прежде всего смены форм общественного строя.

Такое изучение заставляет нас также отвергнуть аналогию между созданием литературных памятников и произведений эпоса.

К древнейшим сюжетам эпоса относятся сюжеты о сватовстве, о поисках жены и борьбе за нее. К древнейшим относятся также сюжеты о борьбе со всякого рода чудовищами, в частности — со змеем. Эти сюжеты созданы не одним человеком и не в определенный год. Они закономерно возникают из борьбы человека с природой и из мировоззрения на данной ступени развития. Они созданы всем народом. Ф. И. Буслаев сравнил процесс их создания с созданием языка, и в этой аналогии (которая потом была подхвачена и популяризирована Горьким) имеется глубокий смысл и вполне конкретное содержание.

Как уже указывалось, эпоха первобытно-общинного строя длилась веками. Она имеет свои периоды, как имеет свои периоды развитие фольклора в эту эпоху. Но сказанное дает нам право установить древнейший этап в развитии эпоса любого народа, и в том числе русского народа и его предков в лице восточнославянских племен, а именно — этап эпоса первобытно-общинного строя.

В X в., когда образовалась Киевская Русь, уже имелась богатая эпическая традиция. С созданием государства эпос вступает в новую стадию, в новый этап своего развития.

Эпосы народов на ранних ступенях государственных образований имеют бо́льшие отличия, чем эпосы первобытных народов. Конкретная история и природные условия ведут к образованию весьма различных эпосов. Так, эпо-

сы среднеазиатских народов, с одной стороны, и эпосы народов Кавказа, с другой, обладают весьма существенными отличиями как между собой, так и по отношению к русскому эпосу. Сравнительно-исторический метод, весьма важный и для данного этапа развития эпоса, все же не имеет того решающего значения, которое он имел для установления и особенно для реконструкции древнейшего этапа развития эпоса.

Образование государства есть вместе с тем образование классов. Господствующий класс не сразу создает свою культуру, а первоначально заимствует ее у народных низов, наполняя ее своей идеологией. Одно из лучших достижений народной культуры — эпос, и эпос многих народов был использован феодальной верхушкой и наполнен феодальной идеологией. Существуют как бы два эпоса: собственно народный, демократический, созданный и обращающийся в народной среде, и феодализованный, заимствованный у народа, обслуживающий интересы верхушки и обращающийся в устной и письменной форме в господствующей среде. В качестве образца можно указать на монголо-ойратский эпос, так хорошо переведенный, изданный и исследованный академиком Б. Я. Владимирцовым [33]. Благодаря трудам Б. Я. Владимирцова мы хорошо знаем, как и внешне и внутренне может происходить процесс развития этого эпоса.

Обстоятельство это смущало многих фольклористов. С одной стороны, делались попытки как-то скрыть, обойти наличие в эпосе феодальных элементов; с другой стороны, эпос целых народов объявлялся реакционным только потому, что господствующие классы подвергали его идеологической обработке и что элементы такой обработки проникли в народ. В особенности это сказалось в отношении к киргизскому эпосу, обычно называемому «Манас», а также и на других эпосах (казахский «Гесэр» и узбекский «Алпамыш» и др.). В настоящее время ошибочность таких оценок совершенно очевидна.

Русский эпос развивался иначе. Господствующие классы создавали культуры не на основе древней, по существу языческой культуры восточнославянских племен, а на основе христианской культуры. Принятие христианства

[33] Б. Я. Владимирцов. Монголо-ойратский героический эпос. Пб.—М., 1923.

было актом, направленным на создание государственного единства и консолидации племен в народность.

Народная культура отразилась и на создании произведений литературы (летописи, Слово о полку Игореве), но не в такой степени, в какой это имело место у других народов. Русский эпос не подвергся процессу феодализации со стороны господствующих классов. В нем имеются элементы специфически крестьянской отсталости, но в целом не отражена феодальная идеология господствующих классов.

Какие периоды можно установить в развитии русского эпоса после образования государства?

Мы не можем руководствоваться схемами и делениями, созданными историками, так как периоды политической истории могут не совпадать с периодами развития жанра. Вместе с тем все же очевидно, что эволюция любого жанра не может развиваться только по своим внутренним законам развития, вне исторического развития народа.

Изучение былин привело нас к выводу, что событием, положившим грань как в развитии народа, так и в развитии эпоса, было татаро-монгольское нашествие и что можно с достаточной степенью уверенности выделить в истории развития эпоса домонгольский период. К этому периоду относятся сюжеты, созданные еще до образования государства, но наполняющиеся теперь новым содержанием и новым смыслом. Сюда бы мы отнесли былины о сватовстве, в особенности те, в которых невеста или ее отец, или соперник героя — демоническое существо (Потык, Глеб Володьевич, Иван Годинович, Садко в подводном царстве, Добрыня и Маринка и некоторые другие). Это не значит, что эти сюжеты *создались* на протяжении X—XIII вв. Сюжеты эти *унаследованы*, что можно установить путем сличения их с сюжетами других народов в пределах родового строя. Но они наполняются новым содержанием. Основное содержание русских былин — интересы государства, основная идея — единое государство и его величие. Былина создавалась тем позднее, чем ярче эта идея в ней выражена. Часть сюжетов была унаследована сказкой, но сказка имеет свои законы развития, и она иначе соотнесена с историей, чем эпос. Достаточно сравнить добывание невесты и борьбу со змеем, как о них повествует сказка, с тем, как об этом повествуется в были-

не о Добрыне-змееборце, защитнике Киева, чтобы увидеть отличие.

К этому же периоду мы отнесли бы также былины, в которых герой борется с такими мифическими чудовищами, как змей, Соловей-разбойник, Тугарин, Идолище и другие. Эти чудовища наносят вред государству, и можно предполагать, что былина тем моложе, чем этот вред обрисован конкретнее. Так, змей в былине о Добрыне берет неопределенные «полоны русские». Тугарин несомненно связан с половецкими войнами, Идолище иногда изображается как обладатель войска и завоеватель Киева или Константинополя. Вопреки Веселовскому, который утверждает, что народ в эпосе мифологизирует историю, мы должны утверждать обратное: в развитии эпоса мифологические элементы постепенно уходят на задний план и уступают место более конкретному изображению истории.

Хронологические рамки данного периода определяются временем возникновения государства и примерно первой половиной XIII в. (1240 г.— Батый под Киевом). В пределах этого периода указанные сюжеты продолжали развиваться. Они относятся не к какому-либо определенному году, десятилетию или столетию, а ко всему периоду.

Обычное для исторической науки деление на период Киевского государства (IX—XI вв.) и период феодальной раздробленности (XI—XIII и XIV—XV вв.) к эпосу неприменимо, так как феодальные войны в нем не отражены. Феодальная раздробленность государства привела к идее единого и централизованного государства, и эта идея — одна из основных и ведущих в эпосе. Но это — отложение эпохи на более древних сюжетах, самый же факт раздробленности в эпосе не отражен (обстоятельство, замеченное еще Добролюбовым).

Выделение домонгольского эпоса в особый период намечалось уже Халанским и оно может быть принято и нами, хотя мы наполняем его иным содержанием, чем это сделано Халанским. Может быть поставлен вопрос о принадлежности к данному периоду также былин о походе Вольги и о смерти Святогора. Былина о Вольге отражает грабительские набеги, совершавшиеся некогда в целях добычи угодий и скота. Былина же о гибели Святогора и о передаче силы Илье Муромцу отражает смену исполинских героев, которыми был наполнен догосударственный эпос,

человеческими героями типа Ильи Муромца, совершающими подвиги во славу родине. Много позднее к имени Святогора прикрепились некоторые бродячие сюжеты (Самсон и Далила, неверная жена, носимая с собой в ларце, и др.).

Легко и естественно в особый цикл выделяются былины об отражении татар, как это делал уже Рыбников. Как со стороны содержания, так и со стороны стиля эпос теперь вступает в новую стадию своего развития. Развитие старых сюжетов теперь приостанавливается, хотя соответствующие произведения и не забываются, а продолжают исполняться. К ним еще создаются варианты, но они не подвергаются творческим переработкам. Основное творчество принадлежит былинам об отражении татар.

Вопреки учению Вс. Миллера и его школы, мы утверждаем, что былина об отражении татар создана не после ликвидации татарского ига, а во время его. Русский эпос не отражает ни одного из конкретных исторических схваток русских с монголами. Он изображает идеальный бой, в результате которого татары одним ударом навсегда изгоняются из пределов Руси. В эпосе народ не изображает события, какими они были, а выражает свои исторические стремления.

Количество сюжетов, посвященных отражению татарщины, невелико. Это — былина об Илье и Калине-царе в различных версиях, о Василии Игнатьевиче и Батые, о Добрыне и Василии Казимировиче и некоторые другие. Количество же записанных вариантов чрезвычайно велико и говорит о популярности этих былин. До некоторой степени эти былины представляют собой в художественном и идейном отношениях вершину в развитии русского эпоса.

Хронологически границы этого периода определяются от середины XIII в. и примерно до середины XVI в. (1552 г.— падение Казани).

Примерно с XVI в. в развитии эпоса начинается новый период, как новый период начинается и в истории России. Раздробленность уступает централизации, великий князь московский Иван IV становится первым русским царем. Татары окончательно разгромлены. Основная идея эпоса — создание централизованного государства и уничтожение татарского ига — осуществлена. Быстрое политическое и культурное развитие государства и народа уже не может

воспеваться в формах традиционной былины. Под Казанью русские уже обладали артиллерией и применяли подрывы. На смену эпическому воину с его мечом, копьем, дубиной, шлемом, щитом идет пушкарь, позднее — стрелец и солдат. На смену эпосу идет историческая песня, с ее конкретным изображением событий и лиц. Взятие Казани воспевается уже не в форме былины, а в форме исторической песни. Возникшая ранее, она теперь находит свое развитие. Первые исторические песни времени Грозного внешне, по методу и стилю, еще напоминают былины, но те исследователи, которые рассматривают исторические песни как новый этап развития былинного эпоса, ошибаются. Историческая песня — иной жанр. Она — самостоятельное, новое образование и первоначально развивалась параллельно с былиной. В XVII в. создаются исторические песни о войнах с Польшей и Швецией, о Степане Разине; былины с таким содержанием не создаются.

Создание исторической песни, как мы только что сказали, не приводит к отмиранию былинного эпоса и не может рассматриваться как этап его развития. Но начиная с XVI в. меняется тематика эпоса: основная его тема — тема социальной борьбы.

Эпизодически тема социальной борьбы встречалась и раньше, теперь же она становится ведущей.

Владимир, глава Киевского государства, теперь трактуется как деспот и насильник. Возможно, что именно в этот период развивается былина о бунте Ильи против Владимира. В одной из версий былины о Василии Игнатьевиче и Батые герой ведет против бояр татар. В былине о Василии Буслаевиче и его бунте против Новгорода ясно обозначаются бунты, имевшие место в Новгороде. В былинах об Алеше Поповиче и сестре Петровичей и в былине о Хотене Блудовиче изображена борьба с затхлым городским бытом, с боярами, духовенством, купечеством и растущим ростовщическим капиталом. Стиль былины меняется и становится реалистическим. Усиливается элемент сатиры. В былине о Дюке насмешливо изображаются нравы и быт московского боярства XVI—XVII вв.

Менее резко боевой характер выражен в былинах о Даниле Ловчанине и о Сухмане. В первой же из них наблюдаются сказочные отголоски, во второй — поздние отголоски воинского эпоса. В обоих случаях борьба проис-

ходит между Владимиром и героем. Герой трагически падает жертвой деспотизма Владимира, вызывая в слушателе ненависть к Владимиру и симпатию к герою.

Хронологически рамки этого периода определяются от середины XVI в. до, примерно, начала или середины XVII в.

Следующий этап в развитии эпоса мы установили бы от середины XVII в. до начала развития капитализма, т. е. примерно до 1860-х годов Это — этап приостановки активного развития эпоса. Былина не сразу исчезает из обихода. Постепенно локализуясь главным образом на севере, она подвергается различного рода изменениям и варьированию, но продуктивная жизнь эпоса приостанавливается. Отдельные новообразования которые можно отнести к XVIII в. (былина о Рахте Рагнозерском, о Бутмане), представляют собой местные образования; они частично связаны с прозаическими преданиями и по своим художественным достоинствам не идут ни в какое сравнение со старым классическим эпосом. На смену эпосу идет военно-историческая песня, известная не только на Севере, но и повсеместно, и песня революционно-историческая, первоначально о крестьянских революциях, возглавляемых Разиным и Пугачевым, впоследствии — песни освободительного революционного движения развивающегося пролетариата.

Таким образом исторически необходимое и закономерное вымирание былины не есть свидетельство ослабления художественного творчества народа. Функции героического эпоса с развитием истории переходят к другим жанрам. Географические рамки его суживаются и постепенно локализуются главным образом на Севере. Здесь на бедном Севере, менее затронутом крепостным правом и позднее — капиталистической эксплуатацией, эпос еще в середине XIX в. жил богатой жизнью, хотя новые сюжеты уже не создавались. На XIX в. падают лучшие записи былин, классические сборники русского эпоса. Но эти же сборники при внимательном их изучении обнаруживают и постепенный процесс вымирания эпоса.

Начало развития капиталистических отношений тесно связано с так называемой крестьянской реформой. Нельзя сказать, чтобы 1861 год, год отмены крепостного права, оказался важным в жизни эпоса. Однако с уверенностью

можно сказать, что с развитием капиталистических отношений отмирание эпоса идет ускоренным темпом. На Севере еще и в эти годы жили великолепные мастера, культивировавшие старый классический эпос. Но и в народном сознании, как и в сознании ученых, это именно «стáрины», песни о древности.

Новая же поэзия, поэзия нарастания революционных устремлений народа создается в пределах совершенно иных художественных форм.

Последний этап в развитии эпоса — этап современный. В крестьянской среде эпос закономерно прекращает свое существование. Он уже не может быть воссоздан, как не может быть воссоздана классическая поэзия. Но тем не менее эпос вступает в новую фазу своей жизни. Бережно охраняемый в его последних остатках, активно изучаемый академическими учреждениями, писателями, вузами, школами, тысячами отдельных читателей, он становится фактором социалистической культуры наряду с произведениями классиков литературы.

Таким образом, учитывая работу предыдущих поколений русских и зарубежных ученых, а также современных разысканий, мы приходим к выводу, что в развитии русского эпоса можно установить следующие этапы:

I. Восточнославянский эпос эпохи первобытно-общинного строя.

II. Эпос от образования Киевского государства до татаро-монгольского нашествия (от X до середины XIII вв.).

III. Цикл былин об отражении татарского ига (от середины XIII до середины XVI вв.).

IV. Эпос эпохи образования и развития централизованного Русского государства (от середины XVI века примерно до середины XVII века).

V. Последующий этап стабилизации эпоса, приостановки в его развитии (от середины XVII в. до середины XIX века).

VI. Этап усиливающегося отмирания эпоса в эпоху капитализма от крестьянской реформы до Великой Октябрьской социалистической революции.

VII. Эпос в советскую эпоху как фактор социалистической культуры.

Ближайшая задача в изучении эпоса состоит в создании монументальных исчерпывающих монографий по изу-

чению отдельных сюжетов. Только серия таких монографий даст прочную основу для дальнейшего, более детального и хорошо обоснованного исторического изучения эпоса.

Данные, полученные из изучения эпоса одного народа, не безусловно и не всегда могут быть применены для изучения эпоса другого народа. Каждый народ имеет свою конкретную историю, и эпос различных народов развивается различно. Но, как указывал еще Чернышевский, героическое содержание эпоса — борьба против внешних и внутренних угнетателей — есть основное содержание эпоса всех народов, которые вели такую борьбу. Из всех народов Европы только славяне сохранили свой эпос по сегодняшний день. Изучение этого эпоса еще более сблизит славянские народы между собой в их борьбе за наиболее высокие идеалы человечества.

ОПЕЧАТКИ

Страница	Строка	Напечатано	Должно быть
26	1 св.	нацонально	национально
30	18 св.	ни одного	ни одной

В. Я. Пропп.

Бесплатно